

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье анализируется пространственный образ провинциального города как специфически национальный на примере повестей «Городок Окуров» М. Горького и «Страна отцов» С. Гусева-Оренбургского. В рассматриваемых произведениях выявляется связь пространственных описаний и характера русского народа, его менталитета.

Ключевые слова: национальные пространственные образы, образ провинциального города, русский характер, М. Горький, С. Гусев-Оренбургский.

Проблема русского национального характера и национального самосознания давно привлекает пристальное внимание отечественных мыслителей. Этой теме посвящают свои труды многие русские историки, философы, этнографы: Н. Бенедиктов, Н. Бердяев, Л. Гумилев, И. Ильин, Л. Карсавин, Н. Лосский, А. Лосев, Вл. Соловьев, П. Флоренский, Г. Федотов и др. Не оставляют в стороне этот вопрос и литературоведы, которые в основном рассматривают приемы отражения в художественных произведениях ведущих черт русской ментальности (Я. Билинский, Б. Бурсов, Г. Гачев, Г. Ионин, В. Кантор, Г. Краснов, Е. Краснощекова, Е. Купреянова, Г. Макогоненко, П. Маркович, М. Махмудова, В. Мельник, В. Недзвецкий, М. Отрадин, Л. Пумпянский, В. Шукин, И. Юнусов и др.).

Ученые из разных областей науки выделяют целый комплекс факторов, формирующих характер того или иного народа: географический, природно-климатический, этнический, исторический, социально-экономический, общественно-политический, религиозный. Поскольку сферой нашего исследования является художественное пространство, особое внимание обратим на фактор географический.

В отечественной науке впервые вопрос влияния пространства на русский характер затрагивает П. Чаадаев в «Философических письмах»: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красною нитью проходит чрез всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной

причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический. <...> Мы лишь геологический продукт обширных пространств» [11].

Географические и климатические особенности России, оказавшие первостепенное влияние на характер русского земледелия, хозяйствования и быта вообще, рассматриваются как наиболее важный фактор формирования национального характера большинством отечественных исследователей. Так, выдающийся историк С. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» писал: «Природа для Западной Европы, для ее народов мать; для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха» [9].

Воздействие русской природы на историю отмечает В. Ключевский. В работе «О русской истории» ученый рассуждает о том, что русская равнина и ее почвенное строение, пограничье леса и степи, река и бескрайнее поле, овраги и летучие пески, суровый климат – все это сформировало и мировоззрение русского народа, и тип преимущественной хозяйственной деятельности, и характер земледелия, и тип государственности, и взаимоотношения с соседними народами, и фольклорные образы, и народную философию [4].

На роль «русских пространств» в формировании «русского видения мира» обращает внимание и Н. Бердяев: «Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, подчеркивая безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность, широту национального русского сознания» [1: 8]. Эти же мысли Н. Бердяев развивает в эссе «О власти пространств над русской душой»: «Широк русский человек, широк как русская земля, как русские поля. <...> В русском человеке нет узости евро-

пейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков» [2: 60].

О том, что тип национальной модели мира определяется через то пространство (место, ландшафт), на котором живет народ, через «природу, среди которой вырастает народ и совершает свою историю» неоднократно писал Г. Гачев: природа (шире пространство) это то, что «определяет лицо народа. Она – фактор постоянно действующий» [3: 27]. Рассуждая о наиболее важных, врожденных элементах, повлиявших на культуру и менталитет народов, ученый отмечал: «Для немцев время более важно, чем пространство. Бытие и время, философские Sein und Zeit Хайдеггера. А для русских наоборот – пространство» [3: 17]. «Русь! Куда же несешься ты?» «Что пророчит сей необъятный простор?» Писатели-художники, поэты чуяли излучение воли и смысла от Русского Космоса и пытались угадывать их значения. Пушкин, Гоголь, Тютчев, Блок, Есенин, Пастернак...» [3: 217].

Все названные выше факторы сплелись воедино и определяют причудливую «географию русской души» (выражение Н. Бердяева). Как видим, исследователи обращают внимание прежде всего на огромность равнинных пространств, на которых формировалась русская нация, их открытость. Немаловажным является также отсутствие естественных границ и срединное положение между востоком и западом, севером и югом.

С одной стороны, единообразие природных форм на огромной Восточно-Европейской равнине (называемой также Великой Русской равниной), отсутствие значительных гор и возвышенностей, резких переходов и границ вело к единообразию занятий населения, а через них и к единообразию обычаев, нравов, верований. Кроме того, равнинные пространства, а также разветвленная система рек, на берегах которых селились племена и строились города, затрудняли обособление территорий, способствовали единству народа и государства.

С другой стороны, обширность территории, суровость климата на севере, огромные дремучие леса и постоянная угроза нападения с юга, набеги кочевников серьезно затрудняли в течение

длительного времени освоение этих пространств, создание крепкого государства и государственности.

Нелегко давались русскому народу организация огромных пространств, их освоение, поддержание и охранение. Именно на решение этих задач уходили все силы русского народа. Естественно, что это истощало его творческие силы, держало в постоянном напряжении, в том числе и в связи с необходимостью защиты границ. Вся российская история говорит о том, что внешняя деятельность русского человека была полностью подчинена государственному интересу, сопровождалась «подавлением свободных личных и общественных сил». Борьба с татаро-монгольскими ордами, собирание земель в Смутное время и в период формирования империи Петра I, освоение огромной территории и создание индустриальной державы в советскую эпоху – все это требовало огромных усилий. Как видим, здесь имеет место прямая связь географических, исторических и политических факторов.

Обратим внимание на еще один парадокс: широкая вольность равнинных пространств формировала широту и распахнутость, открытость русской души, ее очень существенную черту – созерцательность, вместе с тем эти же необъятные пространства (поля и снега, дремучие леса) подавляли эту душу, поработали ее. В результате в русском человеке не выработалась европейская расчетливость, экономия времени и пространства, интенсивность культуры, так как широта русской земли и души открывала путь к экстенсивной, а не интенсивной работе.

Таким образом, можно говорить о том, что внешний географический, природно-климатический фактор стал одновременно внутренним духовным фактором русского человека.

Противоречия русской жизни находят свое отражение во всем: и в истории, и в философии, и, что очень важно, в литературе. Выдающиеся представители русской классической литературы И. Бунин, Н. Гоголь, Ф. Достоевский, А. Пушкин, Л. Толстой, И. Тургенев, А. Чехов и др. явили в своих произведениях не только жизнь отдельных русских людей или социальных групп, но и характер народа, причудливое соединение в нем величия, гордости и отсутствия достоинства; любви к людям, открытости, бескорыстия

и жестокости; стремления к свободе и смирения, рабской покорности; одаренности, великого трудолюбия и лени.

Как мы уже отмечали, в отечественном литературоведении немало работ, в которых рассматриваются проблемы национального характера в творчестве русских писателей, однако специалисты-филологи практически не раскрыли роль пространственных характеристик в формировании русской национальной ментальности.

Представим обзор наиболее значимых для нашего исследования работ, посвященных характеристике национального пространства, нашедшего отражение в русской литературе.

В диссертации О. Лавреновой «Отображение географического пространства в русской поэзии 18 – начала 20 века (геокультурный аспект)» (1996) развивается мысль о том, что «художественная литература несет в себе информацию о восприятии пространства авторами, а также об особенностях географических представлений соответствующей культуры и социальной группы. Более того, зафиксированные в литературных произведениях индивидуальные представления о географическом пространстве в значительной мере поддерживают стабильность организации геокультурного пространства, формируя культуру последующих поколений» [5: 3]. Используя художественные тексты для географического исследования, автор систематизирует стереотипные представления о пространстве в различные временные периоды. Ценным представляется вывод О. Лавреновой о том, что система представлений русских поэтов о географическом пространстве имеет в себе некоторые константы, которые характерны для русской культуры в целом. К таким национальным географическим константам, по мнению исследователя, относятся Санкт-Петербург, Москва, Волга, Дон, Днепр, Черное море, Каспийское море, Урал, Кавказ, Сибирь и др. [5: 15].

Труд С. Шакирова «Мотив дороги как парадигма русской лирики» (2001) посвящен национальной специфике мотива дороги. Среди факторов, повлиявших на «живучесть» мотива дороги в русской литературе, исследователь называет пространственную протяженность российских дорог, неустроенность «дорожного» бытия, русскую «любовь к быстрой езде», есте-

ственно возникающие в «дорожной» ситуации искренность и открытость, присущие русской ментальности. Идею «русскости» мотива дороги автор подтверждает многочисленными примерами из русской поэзии XIX–XX веков [12].

Статья Е. Никаноровой «Буря на море, или Буран в степи» (2004) посвящена характеристике двух сквозных пространственных образов в русской литературе – бури на море и метели. Для нас значимым представляется рассуждение исследователя о том, что мотив метели является образным эквивалентом, национальным (русифицированным) вариантом античного по происхождению мотива бури [8: 3]. Рассуждая об эволюции, функциях, богатстве метафорических значений этого мотива в русской литературе, Е. Никанорова приходит к выводу о том, что метель – это важнейшая составляющая национального русского пейзажа, символ внутренней смуты, жизненных бедствий и народного мятежа (А. Пушкин, С. Аксаков, И. Лажечников, А. Блок, А. Белый, Б. Пастернак, Б. Пильняк).

О. Лазарева в диссертации «Проблема русского национального самосознания в прозе И. А. Бунина 1910-1920-х гг.: формы художественного выражения, эволюция» (2006) рассматривает проблему русского национального самосознания в прозе И. Бунина на материале повестей «Деревня», «Суходол», рассказов «Иоанн Рыдалец», «Чаша жизни», «Божье дерево» и др. произведений, написанных в период с 1910 по 1920 гг. Автор, опираясь в своем исследовании на работы известных буниноведов В. Афанасьева, А. Бабореко, А. Волкова, О. Михайлова, Л. Смирновой и др., обоснованно связывает русский национальный характер с темой деревни у Бунина. Кроме того, исследователь замечает, что существенное влияние на бунинскую концепцию русского национального характера оказали представления писателя о том, что его родина, Россия, представляет собой странное, но явное сочетание двух пластов, двух культурных укладов – «западного» и «восточного», европейского и азиатского» [6: 62].

Таким образом, современные исследователи наметили в своих работах проблему отражения в художественной литературе специфики русского характера, связанного с национальным пространством. Эта связь прослеживается с одной стороны, в изображении типично русских

пространственных образов, а с другой – в попытке русских писателей через пространственные характеристики объяснить особенности русского характера.

В статьях «Деревня как модель национального пространства в творчестве Л.Н. Толстого» и «Оренбургский текст в русской литературе как отражение провинциальной ментальности» мы обосновали мысль о том, что образы деревни и провинции являются национальными пространственными образами [9,10]. Продолжая начатое исследование, обратимся к сквозному для русской литературы образу провинциального города. Полагаем, что рисуя широкую панораму жизни России, многие писатели отражают в микромире провинциального города национально-исторический мир, который и становится выражением национальной ментальности.

Проиллюстрируем нашу мысль на примере повестей С. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» (1905) и М. Горького «Городок Окуров» (1910), отразивших один из драматических периодов русской истории. Насколько известно, сопоставительный анализ этих произведений еще не предпринимался, между тем, он может представлять существенный интерес для исторической поэтики. Оба писателя рисуют широкую панораму жизни «уездной» России, с тревогой показывают, как легко социальные волнения в «звериной глуши» могут перерасти в бессмысленный бунт и убийство, как веками накопленные в социальных низах обиды способны породить стихийные настроения в народе.

Обратимся к текстам с целью нахождения явного сходства в описании провинциальных городов. В «Стране отцов» С. Гусева-Оренбургского основные действия происходят в губернском городе Старомирске, он расположен «у широкой болотистой реки, разделяющей его на две части: «центр» и обширное «Заречье». Заречье тонет в грязи. Со всех сторон точно сдавленное дровяными складами, лесопилками, фабриками, кирпичными и известковыми заводами, оно носит на себе печать привычной бедности и вековой кабалы. На его улицах, непроходимых осенью, пыльных в зной, с звонким криком играют оборванные дети, – будущие рабочие на заводах и фабриках. Улица – их школа, потому что только счастливыцы из них попадают в городское зареченское училище имени губернато-

ра Безака. <...> Вырастая, эти забытые дети ходят по улицам с гармониками, поют разухабистые и циничные песни, заводят драки с истощенными женами и отголоски разгула их долетают до «центра», который с нагорья смотрит на них угрюмо и подозрительно, пока стоковая ночь не уложит их под заборами, в грязных канавах или в вонючих конурах, называемых жилищами. По ночам те же дети этого гнезда рабов крадутся к центру воры, голодные и с горящими глазами, бредут бесшумной походкой проститутки.

«Центр» – благоустроен. Его улицы широки и красивы, прекрасно вымощены, по ночам освещаются бледным светом электричества. «Центр» господствует над окрестностью. На высшей точке его, у края откоса над рекой, ширится площадь, среди которой возвышается двухсотлетний «золотой» собор, окруженный лучшими зданиями города: губернаторским дворцом, казенной палатой, мрачным казначейством, семинарией, тюрьмой и гауптвахтой. Вдоль откоса тянется «сквер» или «бульвар», где по вечерам играет военный оркестр на утеху избранной публики, чинно дефилирующей по главной аллее, и где есть аллея «тайных вздохов», по которой считается неприличным гулять. С прекрасного губернаторского балкона, поддерживаемого белыми колоннами, открывается чудный вид на «Заречье» и окрестности».

В повести М. Горького события разворачиваются в городке Окурове, который описывается следующим образом: «Из густых лесов Чернораменья вытекает ленивая речка Путаница; извиваясь между распаханых холмов, она подошла к городу и разделила его на две равные части: Шихан, где живут лучшие люди, и Заречье – там ютятся низкое мещанство. <...> Город имеет форму намогильного креста: в комле – женский монастырь и кладбище, вершину – Заречье – отрезала Путаница, на левом крыле – серая от старости тюрьма, а на правом – ветхая усадьба господ Бубновых. <...> На Шихане числится шесть тысяч жителей, в Заречье около семисот. Кроме монастыря, есть еще две церкви: новый, чистенький и белый собор во имя Петра и Павла и древняя деревянная церковка Николая Мирликийского, о пяти разноцветных главах-луковицах, с кирпичными контрфорсами по бокам и приземистой колокольней, подобной кринолину и недавно выкрашенной в

синий и желтый цвета. <...> Главная улица – Поречная, или Бережок, – вымощена крупным булыжником. <...> На Поречной стройно вытянулись лучшие дома, – голубые, красные, зеленые, почти все с палисадниками, – белый дом председателя земской управы Фогеля, с башенкой на крыше; краснокирпичный с желтыми ставнями – головы; розоватый – отца протоиерея Исаяи Кудрявского и еще длинный ряд хвастливых, уютных домиков – в них квартировали власти. <...> Рыжий глинистый обрыв городского берега был укреплен фашинником, а вдоль обрыва город устроил длинный бульвар, густо засадив его топодем, акациями, липой. <...> Другой берег, плоский и песчаный, густо и нестройно покрыт тесною кучей хижин Заречья: черные от старости, с ключьями зеленого мха на прогнивших крышах, они стоят на песке косо, криво, безнадежно глядя на реку маленькими больными глазами, кусочки стекол в окнах, отливая опалом, напоминают бельма».

Как видим, в обеих повестях города имеют весьма сходную географическую точку: оба расположены на реке, которая делит их на две части: у С. Гусева-Оренбургского – Центр и Заречье, у М. Горького – Шихан и Заречье, описывается расположение городов, монастыри, тюрьма (гауптвахта), бульвар – место для отдыха и развлечений и т.д. Однако известно, что М. Горький, изображая Окуров, позаимствовал многие черты реального Арзамаса, где он был в ссылке летом 1902 г., а в Старомирске С. Гусева-Оренбургского угадываются черты Оренбурга: «золотой собор», взорванный в 1930-е годы, балкон губернаторского дома, на котором сохранилась пробоина от ядра пугачевской пушки, разделенность города рекой на европейскую и азиатскую части; упоминаются и имена двух Оренбургских губернаторов – А. Безака и В. Перовского.

Общее в облике Старомирска и Окурова, однако, связано не с заимствованием черт реальных городов, а с универсальностью в их изображении, авторы включают в описание все основные элементы городского пространства: трактир, храм, дома, улицы, парк и т.д. Кроме того, можно говорить и о типологическом сходстве всех русских провинциальных городов. Эта мысль подтверждается диалогом горьковских героев: «Колченогий печник Марк Иванов Ключников, поглаживая голый свой череп и опухшее желтое лицо, сипло спрашивает: – Вот,

иной раз думаю я – Россия! Как это понять – Россия? Тиунов, не задумываясь, изъясняет: – Что ж – Россия? Государство она, бесспорно, уездное. Губернских-то городов – считай – десятка четыре, а уездных – тысячи, поди-ка! Тут тебе и Россия».

Рисуя Старомирск и Окуров, писатели характеризуют все сферы провинциальной жизни: социальную, культурную, бытовую, общественную, духовную, религиозную. Так, например, социальный и духовный облик горожан формирует архитектурную организацию пространства:

«Вот дом купца Шаповалова. Тридцать окон по переднему фасаду, – в четыре этажа, окон то больших, то маленьких, то круглых.

Вот еще «достопримечательность» – широкозадковский дом: нелепая смесь мавританского и русского стилей. Колонки, стрельчатые окна, резные карнизы, башенки по углам, поддерживающие балкон центавры, похожие на утопленников, и в то же время во всей наружности дома что-то распухшее, как от водянки, что-то придавленное, как тяжелая, во мраке бродящая мысль» («Страна отцов»).

«На Поречной стройно вытянулись лучшие дома, – голубые, красные, зеленые, почти все с палисадниками, – белый дом председателя земской управы Фогеля, с башенкой на крыше; краснокирпичный с желтыми ставнями – головы; розоватый – отца протоиерея Исаяи Кудрявского и еще длинный ряд хвастливых, уютных домиков – в них квартировали власти.

<...> В городе много садов и палисадников, – клен, рябина, сирень и акация скрывали лица домов, сквозь зелень приветливо смотрели друг на друга маленькие окна с белыми занавесками, горшками герани, фуксии, бегонии на подоконниках и птичьими клетками на косяках» («Городок Окуров»).

В характере архитектурного убранства городов отражаются национальные черты русского характера: тяга к размаху и широте при отсутствии вкуса, с одной стороны, и стремление к мещанскому уюту – с другой.

Помимо этих, по мнению писателей, основополагающих черт русского провинциального характера в обеих повестях раскрываются и другие черты: тяга к философствованию, желание публично каяться в своих грехах, долготерпение, перерастающее в волнения, бунт.

Обе повести, на наш взгляд, – напряженное размышление о «русской душе» и российской истории, у М. Горького на примере жизни мещанства, у С. Гусева-Оренбургского на примере духовенства. Персонажи обеих повестей малообразованны, но способны философствовать, им свойственно не только обостренное самосознание, но и осмысление жизни в целом. По выражению Н. Тмарченко: «Мещане Окурова хотят знать, что такое Россия и Москва, каковы их собственные место и роль в судьбе России. Оказывается, что страна, в сущности, – уездная, а Москва – словно бобровая шапка у человека, у которого нет приличной одежды и пусто в карманах» [10]. Данное умозаключение в полной мере относится и к повести «Страна отцов», где мысли о своем месте в истории, о смысле бытия приходят в голову сельскому священнику отцу Ивану, недоучившемуся студенту, сыну благочинного Дмитрию, жене отца Матвея Павлинке, которая бежит из дома – случай, чуть ли не исключительный в духовной среде: «– Я понимаю, что я... в сорной яме! И деваться некуда мне... Вот я переполнилась отчаянием, схватилась, написала письмо... ушла! И солнце сверкало, и день был ясен! А вот пришел ты и говоришь: нет солнца, нет дня! И я не знаю, что ответить тебе! Приехала в город... точно из одной ямы легла в другую».

Надо сказать, что способность русского народа к философствованию, к «высшим формам опыта» неоднократно отмечали русские философы, например, Н. Лосский: «Интерес к вопросу о смысле жизни необходимо ведет к философствованию и попыткам выработать целостное мировоззрение. Эта черта есть в высшей степени характерное свойство русского народа. <...> Не только образованные люди, и простой русский народ любит обсуждать вопросы, лежащие в основе мировоззрения, вопросы о Боге и смысле жизни» [7: 259-260].

В работе «Характер русского народа» Н. Лосский пишет, что «Русский человек вследствие некоторых свойств своего характера... часто грешит, но обыкновенно рано или поздно отдает себе отчет в том, что совершил дурной поступок, и раскаивается в нем. Совершив тяжелое преступление, он иногда кается всенародно» [7: 257]. Об этой черте говорят и М. Горький, и С. Гусев-Оренбургский. Задушив Симу Девушкина, Бурмистров хоть и театрально, но

кается перед толпой: «Кто-то злобно и весело сказал: – Да-а, слушай, он сам, чу, третьего дня, что ли, и впрямь человека убил! – Да ведь он о том и говорит! – орал старый бондарь. – Видали? – подпрыгивая, кричал Базунов. – Вот она – свобода! Разбойник, а и то понял! Во! Во-от она, русская совесть, ага-а!». Отец Иван, главный герой «Страны отцов», увлеченный новыми мыслями о «воле, свободе и иной жизни» тоже прилюдно казнит себя: «– Я решил. Твердо решил! Бесповоротно! Ухожу! Довольно!! – Что с вами?! – волновались рясы и подряски и колебались в воздухе широкие рукава: – Откуда это? Почему? – Потому что я перестал бояться думать! Прозябал, как червь! Полз во мраке! Жил, как приказано, а не так, как должно жить... Довольно! Я и вам говорю: довольно! Разве вы не видите, что так жить нельзя больше... нельзя! Позорно! Жизнь уходит от нас в сияющую даль... а мы стоим на месте окаменелые, черною стеною... сами не идем и мешаем идти другим! Накинули на жизнь целую сеть текстов, подложных текстов, потому что оправдываем произвол тех, кто уродует жизнь, – проповедуем терпение тем, кто и без того достаточно терпел. Довольно! Все вокруг нас ищут рая правды, рая справедливости, страстно борются за свой идеал... А мы?! Довольно!!».

Жизнь в провинции рождает конфликт в душе отца Ивана: чувство личной вины, мучение совести, которые, в конце концов, перерастают в бунт и желание отречься от сана священника.

В «Городке Окурове» безвинно гибнет от рук Вавилы Бурмистрова блаженный поэт Сима Девушкин. В «Стране отцов» тоже проливается кровь: испугавшись взбунтовавшихся крестьян, землевладелец Порфирий Широкозадов стреляет в мальчика и именно после этого народ становится неуправляемым.

Однако, несмотря на видимые сходства в изображении провинциального города, писатели по-разному решают главную проблему – «испытания города и героев бунтом». Если М. Горький показывает стихийность народных волнений, и почти полную неосознанность происходящих событий: «Чего делать будем со свободой? – вот где гвоздь!», – говорит один из героев «Городка Окурова». «И вот оказывается, что с этой свободой совершенно не справляются в первую очередь самые жаждущие ее люди.

Лозунг «дайте человеку воли, пусть он сам видит, чего нельзя!» вполне естественно оборачивается бессмысленным бунтом и убийством» [10]. То забастовка рабочих Старомирска представлена С. Гусевым-Оренбургским как хорошо спланированная, это не стихийный бунт, а справедливая борьба за свои права: «Заря охватила полнеба точно заревом. На ее багровом фоне чернели резко силуэты труб гигантских фабрик и заводов Заречья. Улицы Заречья были полны. Точно черные гномы, угрожая земле, вышли из неведомых трещин и шумною, плотною толпой медленным потоком заполняли улицы с колеблющимися в воздухе знаменами. И точно из одной гигантской груди лились смелые звуки торжествующего гимна».

Автор показывает волнения крестьян в Богдановке также небезосновательными: крупный землевладелец Широкозадов обманом захватил лучшие земли васильевцев, и они, тщетно искавшие защиты у властей, пытаются добиться правды силой: «Сотни кулаков поднялись в воздухе, угрожая. Точно большой и страшный зверь ошетинился. И все гневно-смешливое, что еще дрожало в воздухе, вмиг растаяло. Всех, близких и далеких, понимавших и недоумевающих, охватило одно чувство, заставлявшее задышаться и кричать хриплым криком... И весь смысл происшедшего, и положение этих связанных, окровавленных людей, все, все уяснилось сразу для тысячи голов, повернувшихся в ту сторону, куда изливался гнев васильевцев. Широкозадова все знали, он был всем хорошо, даже очень хорошо знаком. Каждый бывал от него в той или иной зависимости, каждый имел гнев на него за собственное угнетение, за своих родных или знакомых, каждый питал хоть каплю затаенной злобы... Теперь эти капли слились в бурю ненависти!».

«Протест» у Вавилы Бурмистрова и других окурцев проявляется в бесцельном хулиганстве: «Было уже много людей, опьяненных возбуждением, оно разгоралось, как лесной по-

жар, замелькали в толпе отуманенные глаза, полупьяные, злые улыбки. <...> А впереди него, расталкивая всех, метался Вавила Бурмистров; засучив рукава рубахи, весело и радостно сверкая глазами, он орал на всю улицу: – К разделке! Вот она! Пришел день, эхма», а у Алексея, одного из организаторов крестьянского бунта в «Стране отцов», напротив, в обуздании разъярившейся толпы: «Разгорался неистовый и стихийный бунт. Алексей стоял на крыльце трактора и кричал: – Братцы! Братцы! Что вы делаете! Остановитесь! Пустите урядника! Вы губите себя! Зря, зря! ... – Отдай нам Широкозадова! Алексей жег их взглядом. – Не отдам!! – Отдай! Ты за одно с ним... предатель! – Заткни глотку! Не предатель я. Я вас от вас самих защищаю! Звери вы! То гнетесь, как рабы, то бושуете, как звери! Зачем вам Широкозадов? Их сотни... он один, што ли? Вместо него тысячи придут... Он вас нищими сделал, а вы хотите еще и в Сибирь идти! Разве так надо бороться? Разумно надо бороться, сообща... Он умом вас бьет... Да у него один ум, а у вас тысячи умов, миллионы умов... Река умов! Пусть в этой реке он потонет... И он потонет навсегда, а вы будете господами жизни! Не кричите же, рассуждайте, как разумные люди».

В целом можно сказать, что провинциальный город в повестях С. Гусева-Оренбургского «Страна отцов» и М. Горького «Городок Окуров» олицетворяет то устройство жизни, тот, по видимому, непоколебимый уклад бытия, который каждое новое поколение наследует у каждого предыдущего; он становится своеобразным носителем культурной информации, представляя собой особую знаковую систему, включающую и элементы топографически реального пространства, и основные сферы социальной, бытовой, духовной, религиозной, экономической жизни. В то же время изображение «уездной глуши» является попыткой отразить кризисные события в русской истории, разобраться в русской душе и русском характере.

27.08.2011

Список литературы:

1. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания. Париж: YMCA-PRESS, 1955 / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Бердяев, Н.А. О власти пространств над русской душой / Н.А. Бердяев // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.: Мысль, 1990. – С. 59–65.
3. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. – 432 с.
4. Ключевский, В.О. Курс русской истории: В 5 ч. / В.О. Ключевский // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. – М.: Просвещение, 1987–1989 (Электронный ресурс: <http://lib.ru/HISTORY/KLYUCHESKIJ/history.txt>).

5. Лавренова, О.А. Отображение географического пространства в русской поэзии 18 – начала 20 века (геокультурный аспект) / О.А. Лавренова: Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 11.00.02. – М., 1996. – 25 с.
6. Лазарева, О.В. Проблема русского национального самосознания в прозе И.А. Бунина 1910-1920-х гг.: формы художественного выражения, эволюция / О.В. Лазарева: Дис... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2006. – 180 с.
7. Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский // Н.О. Лосский Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 238–349.
8. Никанорова, Е.К. Буря на море, или Буран в степи. Статья вторая / Е.К.Никанорова // Материалы к словарю сюжетов и мотивов. Вып. 6. Интерпретация художественного произведения. Сюжет и мотив / Отв. ред. Ромодановская Е.К. – Новосибирск, 2004. – С. 3–30.
9. Пыхтина, Ю.Г. Деревня как модель национального пространства в творчестве Л.Н. Толстого / Ю.Г. Пыхтина // Вестник Военного университета. – 2011. – №1(25). – С. 56–61.
10. Пыхтина, Ю.Г. Оренбургский текст в русской литературе как отражение провинциальной ментальности / Ю.Г. Пыхтина // Оренбургский край. Архивные документы. Материалы. Исследования: Сб. работ научно-исследовательской краеведческой лаборатории ОГПУ. Вып. 5. / Отв. ред. Прокофьева А.Г. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – С. 172–175.
11. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. – М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993–1998 (Электронный ресурс: <http://militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html>).
12. Тамарченко, Н.Д. Кризис «микромра» в русской повести рубежа веков Н.Д. Тамарченко // Новый филологический вестник. – 2005. – №1 (Электронный ресурс: http://ifi.rsu.ru/vestnik_2005_1.html).
13. Чаадаев, П.Я. Философические письма. Апология сумасшедшего // Электронный ресурс: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml
14. Шакиров, С.М. Мотив дороги как парадигма русской лирики / С.М. Шакиров: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Магнитогорск, 2001. – 196 с.

Сведения об авторе: **Пыхтина Юлиана Григорьевна**, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук.

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532) 372436, e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

UDC 821.161.1.09

Pykhtina Y.G.

Orenburg state university; pyhtina-2008@mail.ru

NATIONAL SPATIAL IMAGES IN RUSSIAN LITERATURE

The spatial image of a country town like a specifically national one is analyzed in the article on the example of the stories «The Town of Okurov» by M.Gorkiy and «The fathers' country» by S. Gusev-Orenburgskiy. Connection between spatial descriptions and the character of Russian people, their mentality is determined in these works.

Key words: the national spatial images, the country town's image, Russian character, M.Gorkiy, S.Gusev-Orenburgskiy.

References:

1. Berdyaev, N.A. Origins and sense of Russian communism. The reprinted version of the edition. Paris: YMCA-PRESS, 1955/N.A.Berdyaev. – М.: Nauka, 1990. – 224 p.
2. Berdyaev, N.A. About space power over the Russian soul / N.A. Berdyaev // Berdyaev N.A. Russia's fate. Experiments in psychology of war and nationality. – М.:Mysl, 1990. – P. 59–65.
3. Gachev, G.D. National world's images / G.D.Gachev. – М.: Publishing center "Akademiya", 1998. – 432 p.
4. Klyuchevskiy, V.O. Course of Russian history: in 5 parts // Klyuchevskiy V.O. Works.: in 9 volumes. – М.: Prosveshcheniye, 1987-1989 (Electronic resource: <http://lib.ru/HISTORY/KLYUCHESKIJ/history.txt>).
5. Lavrenova, O.A. Geographical space's image in Russian poetry of the 18 – early 20 century (geo – cultural aspect). Synopsis of dissertation...of Candidate of geographical science: 11.00.02. – М., 1996. – 25 p.
6. Lazareva, O.V. The problem of Russian national self-consciousness in prose by I.A. Bunin in 1910 – 1920 years: forms of artistic expression, evolution: Dissertation...of Candidate of philological science: 10.01.01 – М., 2006. – 180 p.
7. Losskiy, N.O. The character of Russian people // N.O. Losskiy Conditions of perfect good: Fundamentals of ethics; The character of Russian people. – М.: Politizdat, 1991. – P. 238–349.
8. Nikanorova, E.K. Gale at the sea, or storm in the desert. Article 2 // Materials to the dictionary of plots and motifs. Issue 6. Interpretation of artwork. Plot and motif / Executive editor Romodanovskaya E.K. – Novosibirsk, 2004. – P. 3–30.
9. Pykhtina, U.G. Countryside like a model of national space in works of L. N. Tolstoy // Journal of Military University. – 2011. – №1(25). – P. 56–61.
10. Pykhtina, U.G. Orenburg text in Russian literature like reflection of country mentality // Orenburg region. Archival documents. Materials. Research. Works collection of Research Regional Studies Laboratory OSPU. Issue 5. / Executive editor Prokofyeva A.G. – Orenburg: Publishing-house OSPU, 2011. – P. 172–175.
11. Solovyov, S.M. The history of Russia from ancient times. // Solovyov S.M. Works: in 18 books – М.: Golos; Kolokol-Press, 1993-1998 (Electronic resource: <http://militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html>).
12. Tamarchenko, N.D. Crisis of the «microworld» in Russian story at turn of the century // New philological bulletin. – 2005. – №1 (Electronic resource: http://ifi.rsu.ru/vestnik_2005_1.html).
13. Chaadaev, P.Y. Philisophic letters. Madman's apology // Electronic resource: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml
14. Shakirov, S.M. The roud's motif like paradigm of Russian poetry: Dissertation ... of Candidate of philological science: 10.01.01. – Magnitogorsk, 2001. – 196 p.